

Лу Хэ прыснул со смеху, потрепал Цинмина по голове и сказал: Это всего лишь грим, не переживай.

Цинмин нахмурился, дернул головой, уклоняясь от его руки, и подумал про себя: Этот монарх вовсе не беспокоится о тебе, не строй иллюзий.

Лу Хэ хотел было еще что-то сказать Цинмину, но Брат Чэнь уже звал его. Откликнувшись, он хлопнул Цинмина по плечу и поспешил прочь.

— Так, Лу Хэ, сейчас упадешь на землю, обхватишь голову руками и пару раз крикнешь, не забудь подергиваться всем телом. Потом мы поправим грим и снимем крупный план лица, — режиссер с мегафоном в руках, в бейсболке и с руками в боки стоял за камерой.

Хлопушка щелкнула.

Кто-то толкнул Лу Хэ, и тот повалился на землю. Ему наступили на грудь и с оскалом начали с силой вдавливать ногу в тело. Вспомнив указания режиссера, Лу Хэ судорожно задергался, изображая мучительную боль, вцепился обеими руками в ногу обидчика и жалобно взмолился:

— Не надо... не надо... спасите, барышня, помогите!

Тот человек расхохотался, подозвал нескольких слуг и обступил Лу Хэ кольцом:

— Никчемный мусор! Еще смеешь просить барышню спасти тебя? Бейте его! Забьете до смерти — я отвечу!

Несколько человек навалились, осыпая Лу Хэ ударами кулаков и пинками. Лу Хэ извивался на земле, истошно крича. Режиссер внимательно следил за кадром и только собрался крикнуть «Снято!», как в объектив вошел ребенок.

Цинмин стоял за спинами статистов, в его холодных глазах, отливавших фиолетовым, плясала черная дымка.

— Прекратить! Этот монарх приказывает остановиться!

Слуги опешили, поняв, что что-то пошло не так, и отступили. Они в недоумении уставились на мальчишку: такой красавец, неужели его наняли в массовку?

Лу Хэ вскочил на ноги, покрывшись холодным потом. Встревоженно глядя на Цинмина, он заиграл бровями, пытаясь подать знак:

— Ты что здесь делаешь? Уходи немедленно в сторону!

— Стоп! — режиссер в ярости вскочил со стула и ткнул пальцем в сторону Цинмина: — Чей это ребенок? Кто привел его на площадку? Кто будет отвечать за срыв графика?!

Лу Хэ поспешно подбежал к Цинмину, обнял его и принялся извиняться перед режиссером:

— Простите, режиссер, ребенок не понимает, что делает. Извините за беспокойство, правда, очень жаль.

Он принялся отвешивать поклоны один за другим, сгибаясь в поясе так низко, что с лица капал холодный пот. Режиссер даже не собирался слушать оправдания. За последние два дня случилось слишком много неприятностей: график съемок летел ко всем чертям, о травме Хао Да ходили слухи, люди, стоящие за спиной Хао Да, грозились засудить съемочную группу — словом, полный хаос.

Он выплеснул всю накопившуюся ярость на первого подвернувшегося, махнул рукой в сторону Лу Хэ и рывкнул:

— Выгнать его! Чтобы глаза мои его не видели! Продолжаем!

Лицо Лу Хэ внезапно посерело. Глаза покраснели, губы дрогнули — он хотел что-то сказать, но не смог выдать ни слова. Человек был в ярости, и это спонтанное решение стало для него смертным приговором: теперь никто не позовет его сниматься в фильмах этого режиссера, даже если сам режиссер через минуту забудет, как он выглядит.

Собравшись с духом, он поскорее оттолкнул Цинмина в сторону и привычно повалился на землю, закрыв голову руками и подтянув колени к груди. Хлопушка щелкнула, и на него вновь обрушились удары. Лу Хэ прикрывал лицо, но слезы текли сами собой — в конце концов, ему было всего двадцать лет, и от обиды он не смог сдержаться. Почему так трудно научиться скрывать свои чувства?

Цинмин сжал губы и сверлил взглядом тучного режиссера. Он колебался, не стоит ли потратить крупницы восстановившейся магической силы, чтобы проучить этого Смертного. Но если он использует магическую силу, то снова потеряет сознание, и все прежние попытки культивации пойдут насмарку. Стоило ли оно того?

Он видел, как Лу Хэ униженно кланяется, видел любопытные взгляды массовки, видел омерзение и раздражение на лице режиссера, видел, как Лу Хэ лежит на земле, принимая удары и не имея возможности дать сдачи. Цинмин крепко сжал кулаки.

Это всего лишь глупый Малый бессмертный, а для него сейчас важнее всего восстановить свое истинное тело. Нельзя больше впустую растрачивать магическую силу. Раз этот Малый бессмертный пострадал из-за него, то когда-нибудь, когда он вернется в Мир Демонов, он щедро наградит этого дурака. Цинмин разжал кулаки и молча остался стоять в стороне.

— Снято!

Режиссер встал и ушел, даже не оглянувшись. Роль Лу Хэ была окончена — вообще вся его работа в этом фильме была закончена. Режиссер спешил на другую площадку, ему было не до него. Лу Хэ тяжело вздохнул, протер глаза. Никто не протянул ему руки помощи, поэтому он сам поднялся с земли, вытер лицо и с немым вопросом посмотрел вслед режиссеру.

Он хотел напомнить: нужен ли еще тот крупный план, для которого требовалось поправить грим?

Но, судя по раздраженному виду режиссера, снимать его больше не собирались. В конце концов, основные сцены были отсняты. Лу Хэ потер ноющие ребра.

Даже если массовка старалась быть осторожной, в пылу борьбы они не могли контролировать силу, и несколько ударов пришлось по-настоящему больно. Он обернулся к Цинмину и неловко улыбнулся. Какая досада: в первый же раз он привел ребенка на съемки, и тот увидел такую неприглядную картину. Цинмин, должно быть, очень испугался, когда увидел, как его обижают. Несмотря на свой скверный характер, в глубине души он все же был добрым.

Цинмин и представить себе не мог, что он, десятилетиями безжалостный повелитель демонов, будет удостоен ярлыка доброго человека от Лу Хэ.

Он нахмурился, глядя на него, и произнес:

— Глупец, ты плакал?

Этот Малый бессмертный на самом деле плакал. Что такое слезы, Цинмин не знал — он сам никогда не плакал, и никто не осмеливался довести его до слез. Рожденный из Духовной энергии небес и земли, принявший форму в глубинах ада, он всю жизнь посвятил культивации, скитаясь между Миром Демонов и Миром Богов. Мир был слишком скучным, поэтому он предпочитал уединение. Но теперь, глядя на то, какой жалкий этот Малый бессмертный, он почувствовал странную тяжесть в груди, невыразимую тоску. Ему хотелось все разрушить, хотелось, чтобы лишние люди исчезли из этого мира.

Настроение Лу Хэ было подавленным. Он натянуто улыбнулся, потрепал Цинмина по голове, но ничего не сказал. У него не было сил даже поправлять Цинмина за его манеры. Сейчас его тревожило другое: он собирался купить Цинмину новую одежду, но теперь, когда его лишили заработка, тратить деньги стало еще страшнее.

<http://bllate.org/book/29367/3566607>